

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА КУНДУЗА. 20 мая 1986 года.

Тёплая ночь. +25о С. К одному из домов кишлака Ибрахим-хейль съехались представители лидеров «Исламской партии Афганистана» (ИПА) Гульбетдина Хекматияра, партии «Исламское общество Афганистана» (ИОА) Бурхануддина Раббани и их полевые командиры — свыше двадцати человек. На повестке дня стоял вопрос о взаимодействии отрядов двух ведущих исламских партий в предстоявшей крупной войсковой операции Советских войск по проводке колонн из Кундуза в Файзабад. Первым с докладом выступил полевой командир ИПА в провинции Кундуз пуштун Шамсутдин по прозвищу доктор Шамс:

— БисмиЛляхи Рахмани Рахим! — начал он с Басмалы. — Кундуз— это стратегический узел на северо-востоке! Влиянием здесь преобладают отряды нашей партии. Поэтому мы считаем резонным решением взять командование операцией в свои руки.

Ему возразил статный полевой командир ИОА узбек Мохаммад Марзбон по прозвищу Кази Кабир, сходно прочитавший в начале Басмалу:

— Но восток провинции Кундуз, а также соседние Тахар и Бадахшан, по которым пройдут советские колонны дальше, находятся под контролем отрядов партии Исламское общество Афганистана.

— Да! — признал распалившийся доктор Шамс. — Но удастся ли вам сохранить этот контроль, перекрой мы коммуникации из Панджшерского ущелья в долины Андараб и Хост-Ва-Ференг?!

— Знаете ли, уважаемый Шамсутдин, — произнёс с присущей ему рассудительностью Кази Кабир, — совместные действия Северо-восточного и Панджшерского фронтов партии Исламское общество Афганистана прошли испытания временем. На этапах несения потерь, панджшерцы не единожды приходили нам на помощь и пополняли отряды ИОА здесь, на северо-востоке, резервами! Участие отрядов нашей партии в данной

операции без единого управления ими Ахмад Шах Масудом исключается! Если следовать вашей инициативе, уважаемый Шамсутдин, численность группировки моджахедов, участвующих в данных боевых действиях, сократится кратно. Этим будет нанесён вред общему делу!

—Полно, полно!—снизилградусдискуссиониповеренныйГульбетдинаХекматияра Карим Юзуфзай. — Мы не на подведении итогов боевой деятельности исламских партий альянса «Пешаварской семёрки» сотрудниками ЦРУ! Нашей главной задачей на предстоящей операции является нанесение максимального урона Советским войскам! В ходе крайнего разговора двух досточтимых лидеров исламских партий Бурхануддин Раббани привёл доводы, которые были приняты Гульбетдином Хекматияром. Он согласился, что для эффективности действий моджахедов в данной операции насущно единоначалие. Поэтому все отряды ИПА в Кундузе, Тахаре и Бадахшане, на этапах её проведения перейдут во временное подчинение Ахмад Шах Масуду.

ПРОВИНЦИИ КУНДУЗ, ТАХАР, БАДАХШАН. 9 июня 1986 года.

В северо-восточной части республики Афганистан в провинциальном центре афганского Бадахшана Файзабаде и в уездах провинции Кишим и Бахарак на значительном удалении в 240 километров от основных сил Ограниченного контингента Советских войск в полной изоляции дислоцировались подразделения 860-го отдельного мотострелкового полка. Они выполняли задачи по блокированию караванных маршрутов из Пакистана и Китая вглубь Афганистана. К лету 1986 года возникла плановая необходимость в доставке значительного объёма грузов военного и гражданского назначения из Кундуза в Файзабад. С этой целью в первой половине июня 1986 года командование 40-й Армии проводила масштабную общевойсковую армейскую операцию с кодовым названием «Манёвр». Операция осложнялась тем, что регион в целом находился в руках вооружённой оппозиции. Её отряды регулярно нападали на советские транспортные колонны и гарнизоны, совершали диверсии против государственных органов власти ДРА, терроризировали гражданское население.

Операцию было решено провести в три этапа с 9 июня по 14 июля 1986 года на широком фронте равнинного и горного участков местности в провинциях Кундуз, Тахар и Бадахшан. Руководство ею было возложено на командующего 40-й армией генерал-майора Дубынина. Общее командование во взаимодействии с вооружёнными силами ДРА осуществлял начальник оперативной группы Минобороны СССР в Афганистане генерал армии В.И. Варенников. К операции были привлечены значительные силы и средства ОКСВА и Вооружённых сил ДРА: 37 батальонов — 15 советских и 22 афганских из Кундуза, Кабула, Пули-Хумри, Ташкургана, Джелалабада, Гардеза, Газни. Для проводки транспортных колонн требовалось блокировать прилегавшие к трассе дороги и населенные пункты, а высаженный южнее трассы Кундуз–Файзабад в горных районах провинций Тахар и Баглан, тактический воздушный десант должен был ликвидировать базовые районы, снабжавшие отряды мятежников оружием и боеприпасами по всей протяжённости трассы. С началом первого этапа операции с 9 по 15 июня, в районе города Кундуз из разных регионов ДРА была сосредоточена достаточная группировка войск, скомплектованы и подготовлены транспортные

колонны. Перед их выходом в зелёной зоне района между Кундузом и Ханабодом на участках вероятного выхода диверсионных групп мятежников к трассе для предотвращения нападений на колонны, разведывательная рота, совместно с частями афганской армии провела зачистку местности.

В завершении первого этапа операции экипажи БРМ-1 и БМП-2 — боевых машин разведроты по приказу её командира капитана Середы съехали с трассы и установили технику вплотную к глинобитным строениям крупного кишлака Мулла-Гулям на дистанции 300 метров друг от друга. Таким образом, разведчики блокировали прилегавший к трассе опасный участок дороги, исключали проникновение в кишлак дополнительных сил неприятеля и обеспечивали прикрытие колонн от вооружённых нападений. Командиром одного из этих экипажей БМП-2 был Руст, механиком-водителем Павел Гришин, наводчиком-оператором Семён Негода. На той же броне в составе пешей группы находились: тарджимон Азим Ахмедов и, прослужившие к тому времени в Афганистане без месяца полтора года, — Сидор, Костян, Костёр, Стрела и Монгол. БМП-2 дружей проследовала вдоль наделов рисовых чеков и встала на южной окраине кишлака Мулла-Гулям, оставив между бронёй и кишлаком постать житного поля.

Была уборочная страда, безжалостно палило солнце +42С. В высокой гуще золотой нивы спорадично возникали и вновь исчезали согнутые спины двух взрослых афганцев, жавших серпом и увязывавших колосья в снопы — бородатого, с морщинистым лицом, мужчины лет пятидесяти и сгорбленной старухи с цветастой тканевой перевязью на спине через плечо, в которой находился младенец. Время от времени, они распрямлялись, брались ладонями за поясницы и, вытерев с лица пот, продолжали жатву. В поле им помогали двое мальцов восьми и десяти лет, сноровно складывавшие снопы в копны. Бросив недобрые взгляды на шурави, сидевших на грозной броне у кромки их поля, афганцы продолжили трудиться.

— Да, наш визит их явно не обрадовал! — посетовал Костян, выбравшемуся из командирского люка и снявшему шлемофон Русту.

— Что делать! — праздно бросил Руст и передал полученный по связи приказ командира роты. — Парни! Ротный приказал окопаться! Предупредил, что участок этот опасный, и надо быть готовыми к ухудшению обстановки. Поэтому окопы будем рыть в полный рост.

Довершив в багровом зареве заката день жнитвы, набравшийся смелости афганец — глава семейства, в сопровождении двух юных сыновей, направился к сидевшему на ребристом листе трансмиссионного отсека БМП-2 Русту. По какой-то стигме он счёл его главным. Афганцы робко подошли к броне. Из лежавшего на ней серебристого портативного транзистора SANYO в это время слышалась набиравшая популярность песня «Вернисаж» в исполнении В.Леонтьева и Л.Вайкуле:

Был так прекрасен вернисаж,
Но взор еще прекрасней ваш,
Но вы вдвоем вы не со мною.
Как за спасеньем к вам иду
Вы тот, кого давно я жду,
Но вы вдвоем, вы не со мною.

И я себя на том ловлю,
что вас почти уже люблю,
Но вы вдвоем, вы не со мной...

Руст увидел перед собой выше среднего роста, сухощавого и смуглолицего, с ярко зелёными глазами и густой, с проседью, бородой, дехканина. Он был в выгоревшей на солнце светло-коричневой чалме и палевом перухане, на котором виднелись белые волнистые разводы пота. Руст приглушил звук транзистора и согласно восточному этикету встал и поприветствовал его первым:

— АсСаламу Алейкум!

Афганец не ответил традиционным приветствием, со взбудой начав монолог на дари и языке жестов:

— Наступит ночь, — предрекал он, заметно егозя, — и вы начнёте стрелять в сторону кишлака и сожжёте наш хлеб. В итоге нас ждёт голодная смерть!

В ажитации он трясцой ухватывал скрюченными пальцами бороду и вытирал свисавшим на плечо отрезком чалмы с очей слёзы.

— У меня четверо детей: трое сыновей, один из которых инвалид, и младенец — девочка, осиротевшие после смерти в родах жены, да старуха-мать. Дайте нам хотя бы два дня, чтобы мы успели завершить страду.

Суть булгачившей афганца апории, Руст понял. Он лишь испоредь уточнял значение незнакомых слов у сидевшего рядом тарджимона Азима Ахмедова, понеже его родной таджикский язык был предельно схож с афганским дари. Ватарба афганца имела основание: известно, что ночной покой отдохавшим воинам в боевых условиях в горах и зелёной зоне обеспечивался непрерывным беспокоящим огнём в направлении вероятной угрозы. Того требовала обстановка. Молвь афганца была сумной. Он глядел на Руста молящим взглядом и с надеждой. В какой-то момент ему даже чаялось, будто шурави проникся его назолой. Но, не получив зарок не открывать огонь, с безнадеждием махнул рукой и обречённо побрёл прочь.

— За два дня им не управиться! — прикинул, стоявший сбочь Стрела.

— Абсолютно! — согласился с ним подошедший Костян.

— А что если всё же рискнуть?! — предложил Руст. — Мы разрядим магазины от трассирующих патронов и заменим их на обычные. Огонь будем открывать в случае острой злободневности и не по полю.

— Руст! Ты же знаешь, — зиждился Сидор, — не будь ночью стрелкового огня, мы рискуем близко подпустить духов. Да и заснуть вероятность дуже возрастёт. Со стрельбой-то оно поспокойнее и караульному, и спящим! И потом, — продолжил он, — как ты себе это представляешь: с других машин будут палить, а у нас тишь да гладь?! Ротный сразу почует неладное. Наконец, может возникнуть опасность того, что духи выберут именно наш участок для прорыва к трассе.

— А я великодушный помысел Руста поддерживаю! — изъявил вотум Монгол, растёрший в ладонях сорванный колос пшеницы и начавший жевать его зерно, — почему бы нам не сотворить благо?!

— Монгол! Вечно ты со своей шаманской добродетелью! — распалился Сидор. — Ты слышал, что по связи набаял ротный?! На БМП-2 отдельной бригады, прибывшей на эту операцию из удалённого региона, духи вырезали всех до единого — и экипаж, и десантную группу. Апропо, это произошло здесь поблизости. Вот они горькие последствия уклонения от устоев.

— У них заснул караульный! — поведал о происшествии Стрела.

— Да! — согласился Сидор. — Но веди он безотлыжную стрельбу, вряд ли б заснул!

— А ты раздели вопрос на две части! — предложил Сидору, безмятежный Монгол: на сон на посту и ночную стрельбу. Можно ведь и не стрелять. По крайней мере, если для того не будет острой нужды. Вместо одного часового можно выставить двух. А времени на дежурство отвести в два раза больше: не час, а два.

Руст оставался под впечатлением от безотрадного предвестия афганца:

— Парни, предлагаю всё же извлечь из магазинов все трассирующие патроны и заменить их обычными! — репетовал он свой призыв. — И огонь открывать в случае острой злободневности.

Поговорив вобизор, друзья пошли навстречу просьбе отца афганского семейства, постановив: без необходимости огонь не открываем! Ближе к ночи они распределили смены, как то предложил Монгол. На сон грядущий достали из десантов БМП-2 все плащ-палатки, постелили их на броню, положили сверху толстые из верблюжьей шерсти в цветастом шёлке, афганские одеяла и, ими же укрылись. Руст, как инициатор моратория на открытие огня, понимал личную ответственность перед товарищами, оттого большую часть ночи бодрствовал либо находился в полудрёме, постоянно окликаая караульных, не заснули ли.

Стояла тихая тёплая ночь +32С. Гугол звёзд и сияющий серп луны наслаждались своим сказочным пейзажем. Однако время без стрельбы истекло медленно со взбудой. Отступя брони слышался неумолчный мотет протяжных воплей стаи шакалов схожий с многоголосием рюмивших младенцев. Скованные уговором в кромешной тьме не стрелять, друзья не решались пойти и отогнать их подальше. Наступившим утром продолжилось рытьё глубокой траншеи окрест БМП-2 и ведение наблюдения за местностью. Из транзистора, стоявшего на башне брони, слышалось:

Лето нам тепло дарило,
Чайка над волной парила,
Только нам луна светила,
Нам двоим на Земле.

Но куда ушло все это?
Не было и нет ответа.
И теперь, как две планеты,
Мы с тобой далеки...

Неожиданно к месту блокировки на высокой скорости подъехала командирская машина БМП-2 капитана Середы. На броне, кроме экипажа и трёх разведчиков, сидел с чапаевскими усами капитан, восей прибывший из Союза по замене.

— Ну, как тут у вас?! — спросил Середа у Руста.

— Без происшествий! — рапортовал Руст.

— Не слышал ночью стрельбы! Обстановку держите под контролем?! — допросил Середа, пристально воззрев на Руста.

— Так точно! — прогорланил Руст во избежание объяснения причин отсутствия стрельбы.

— Хорошо! — утолился Середа. — Я привёз к вам политическое командование — нового парторга полка гвардии капитана Шевчука. Смотрите! Не посрамите разведку!

— Есть, не посрамить разведку! — посулил Руст с улыбкой.

Он истово представил парторгу полка личный состав разведывательного отделения, и заладил с ним в первые же часы, охотно приняв предложение вступить в члены КПСС и ажно приступил к изучению подаренного им Устава. В это время, не уповавшие на отклик шурави, жницы ломили жатву в приподнятом настроении. Выйдя на поле с денницей, они старались уложиться в указанные Русту двое суток. Время близилось к полудню, а солнце к зениту. Парторг сидел на башне БМП-2 спиной к кишлаку и читал книгу, впотай наблюдая за действиями разведчиков. Сидор и Монгол, вобизор впереди машины разжигали очаг, а Руст топором разбирал деревянный ящик от цинков с патронами на дрова. Из транзистора доносилось незабвенное “Комарово”:

На недельку, до второго,
Я уеду в Комарово,
На воскресной электричке,
К вам на крашек земли.
Водолазы ищут клады,
Только кладов мне не надо —
Я за то, чтоб в синем море
Не тонули корабли!

— Э, Бача! — окликнул, обвязывавшего сжатые колосья в сноп, главу семейства, Руст, вадно призвав топором в десной, — Инджо биё!

Афганец набатно поднял голову и поглядел против солнца из-под ладони в сторону БМП-2. Поняв, что кличут его, бросил фразу старушке и принуждённо побрёл к шурави.

— АсСаламу Алейкум! — добросердечно поприветствовал подошедшего афганца Руст. — Монгол! Налей, пожалуйста, нашему гостю чаю! — учтиво попросил он клавшего в это время в очаг дрова товарища.

Монгол наполнил горячим жасминовым чаем маленькую фарфоровую пиалу из трофейного китайского сервиза с кобальтовой бело-голубой росписью в стиле шинуазри, и преловко залил его обратно в чайник. Затем, наполнив на половину, протянул афганцу. Взяв одной рукой пиалу с чаем, афганец едва склонил голову и, традиционно приложив вторую ладонь к груди, сделал глоток.

— Как ваше имя, Ако?! — почтительно обратился Руст на дари.

— Шераги! Мое имя Шераги! — назвался афганец.

— Я Рустам, сын Фархада! — отобразился на восточный манер Руст и прочитал единовенную декламацию «Калима»: «Ля иляха илляЛлах, Мохаммадун — расулюЛлах».

— Далеко на севере, — начал просвещать Руст, — в самом центре России, где зимой бывает много снега, находится моя Родина — Татарстан. Там живут татары. Они, как и афганцы, — мусульмане. Наш язык очень близок к узбекскому и туркменскому языкам, на которых говорят в Кундузе, Тахаре и других северных провинциях. Мы с нашим товарищем из Самарканда, — Руст кивнул в сторону Азима Ахмедова, — говорим на узбекском и таджикском языках. Слушая Руста, было заметно, что Шераги открывал для себя много нового.

— Среди шурави много мусульман! — поделился под занавес разговора Руст и бравурно объявил Шераги, — в 21.00 мы ждём вас с сыновьями на плов!

В ответ, афганец смиренно покивал головой и направился в поле.

— Не придёт! — предрёк Стрела.

— Не посмеет! — возразил Костян. — На кону наша добрая воля — ночью не стрелять.

Завершив трудовой день в багряных сполохах заката, Шераги удалился с семьёй в кишлак. С наступлением морока он появился в назначенное время, но один.

— Шераги! — приятно поприветствовал его Руст, накрывая казан с пловом крышкой, дабы рис вобрал в себя оставшуюся влагу из важу, — а где ж твои сыновья?!

Шераги замялся и назирком заглянул под туго натянутый между столетними чинарами навес, сращённый из нескольких плащ-палаток. Там он увидел освещённый керосиновой лампой длинный стол, сооружённый из деревянных ящиков от артиллерийских снарядов, который был засервирован посудой и столовыми приборами.

— Иди за сыновьями, — благовоительно произнёс Руст, — мы будем вас ждать!

Поняв безысходность, Шераги удалился. Вскоре на советско-афганской званой вечере у хлебосольных шурави вапти с афганцами Шераги и тремя его сыновьями присутствовали механик-водитель Павел Гришин, наводчик-оператор Семён Негода, тарджимон Азим Ахмедов, парторг капитан Шевчук, а также Монгол, Руст, Стрела, Костян, Костёр и Сидор. Блюдом вечера был солдатский плов, ладно сготовленный в большом чугунном казане на костре. Руст поднял его крышку, выпустил пар и начал накладывать яство на два больших лягана, сквозь сопровождавших разведчиков на броне БМП-2 вместе с другой утварью. Поджаренная на фирменном пакистанском жиру советская, из жестяных банок, говяжья тушёнка с консервированной в стекле морковью и рассыпчатый, продолговатой формы рис, виделись бойцам амброзией. Костёр передал Шераги и его сыновьям большие ложки. Шурави глядели на афганцев и соборно ждали, пока на правах старшего гостя, первую ложку снимет Шераги. Было вдогляд, что афганцы испытывали конфуз. Руст уловил их сдержанность и, чтобы развеять сомнения в наличии в брашно запретной свинины, показал на вскрытой банке тушёнки изображение говяжьей головы. Шераги улыбнулся и, взыграв духом, снял пробу. За ним начали снестать разведчики, его сыновья и парторг. Впрасол плов получился отменным. Все были счастливы, за исключением ерзавшего на месте, баттхёртного парторга, дюже беревдившего от несоблюдения устава внутренней службы. После плова всем налили горячего чая. В завершение вечера друзья вытащили из закров десанта БМП-2 большой мешок трофейного риса и водрузили на спину благодарившего за вкусный ужин Шераги. Не ожидавший такой манны, растроганный Шераги, не верил своему счастью. Тем временем, со всех БМП-2 и БРМ-1 разведроты, блокировавших кишлак Мулла-Гулям, велась безостановочная стрельба. Лишь на участке, где стояла БМП-2 с Костяном, Рустом, Монголом, Сидором, Стрелой и Костром, была полная тишина. Совместные советско-афганские ужины за тёплой беседой продолжались ещё несколько дней, пока не лопнуло терпение парторга.

— Тукаев! — окликнул он Руста. — Мы в Советской Армии или в израильском кибуце?! Это что за распорядок?! Каждый вечер плов с басмачами едим, надо

прекратить этот балаган!

— Есть, товарищ капитан! — взял под козырек Руст. — Плов с басмачами есть не будем! Будем есть кашу с ПАКа!

Дождавшись удобного момента, когда парторг ослабил внимание к разведчикам, Сидор созвал к Русту — Костяна, Костра, Монгола, Стрелу и внёс предложение:

— Надо организовать парторгу сатьяграху!

— Что организовать? — не понял Монгол.

— Саботаж! — растолковал Стрела.

— Во-первых, — продолжил Сидор, — надо перестать его кормить горячей пищей, приготовленной на огне. Нехай довольствуется едью из полковой полевой кухни. Во-вторых — ночью, в ходе караульной службы, надо симитировать повальный сон часовых на посту. От смены к смене Руст будет инспектировать бодрствование часовых окриком «Дневальный», а тот в ответ будет молчать, как рыба — якобы заснул. Руст будет подходить к нему и дюже браниться, приводя в пример случай с вырезанным экипажем. И так каждую смену. Уверю: сутки, максимум двое, парторг сам от нас сбежит.

Отстояв дежурство первым, Руст лёг на отдых и, находясь в полудрёме, регулярно окликал часового, но в ответ всегда была тишина. Капитан всё это слышал и, понимая возможный исход, пребывал в саспенсе. В соответствии с дневным распорядком каждое утро по всем БМП-2, блокировавшим трассу, развозился завтрак, приготовленный на полковой полевой кухне ПАК. Снедать его было возможно, но назвать зело аппетитным, едва ли. Парторг сидел на башне БМП-2 и, отвернувшись от разведчиков, поглощал в одиночестве холодную перловую кашу и говяжью тушенку из жестяной банки с затвердевшим жиром. В это же время на завтрак разведчикам благодарный Шераги принёс едва извлечённые из тандыра горячие лепёшки и полный балакирь прохладной простокваши. Не продержавшись при таком довольствии и двух суток, окончательно деморализованный отсутствием уставных отношений и нормального питания, парторг полка капитан Шевчук, оставив надписанный им на память Русту новенький Устав КПСС, убыл на КП полка. К вечеру о нём уже никто не вспоминал.

Служба вернулась в старое русло. Но изневесть зарано перед совместной трапезой у БМП-2 разведчиков появился мятущийся Шераги. Он забежал под навес, огляделся и, убедившись в отсутствии большого командора капитана Шевчука, предупредил: «Я сейчас вернусь». Спустя пять минут он возвратился с тремя бородатыми афганцами крепкого телосложения не похожих на афганских торгашей или перекупщиков соляры:

— Рустам! Я доверяю вам и хочу, чтобы вы поговорили с этими людьми.

Руст и стоявшие рядом разведчики враз поняли, что это духи. Кишлак Мулла-Гулям, как и многие другие населённые пункты уезда Ханабад провинции Кундуз, с начала войны входил в зону влияния полевого командира ИПА доктора Шамса. На участке Мулла-Гулям, расположенном на трассе Кундуз–Файзабад, местные отряды оппозиции беспрестанно минировали дороги, атаковали советские и афганские транспортные колонны. Руст предложил моджахедам пройти под навес и сесть. Сам же подозвал механика-водителя Павла Гришина и наводчика-оператора Семёна Негоду и, попросил их с брони вести наблюдение в направлении трассы и кишлака. В случае выхода кого-либо из кишлака или приближения БМП-2 командира роты капитана Середы, немедленно ему сообщить.

С появлением визитёров к навесу стянулись Сидор, Монгол, Костян, Стрела, Костёр и Азим Ахмедов.

— Мы бы хотели поговорить с вами наедине, — предпочёл сохранявший спокойствие, со строгим лицом статный моджахед, одетый в палевого цвета чалму и бежевый перухан.

Руст переглянулся с друзьями и согласительно кивнул головой.

— Мы не дадим им уйти! — бросил Русту, отходивший крайним Сидор.

— Не торопи события! — предостерёг его Руст.

По одну сторону от тлевшего очага расположились Шераги и трое моджахедов, по другую Руст и Азим Ахмедов. Руст уловил дуновение запаха едкого дыма горелого хвороста, присущего инсургентам. Лица их были смуглыми и сухощавыми. Он окинул всех взглядом и, молча, кивнул Азиму Ахмедову. Тот не спеша повернулся вполоборота, дотянулся до чайника и, наполнив до половины пиалы, истово прикладывая руку к груди, передал каждому бытчику. После первого глотка чая, Руст призывно воззрел на старшего зримо визитёра в ожидании начала разговора. Моджахед представился:

— Я Халфутдин из кишлака Мулла-Гулям, — начал с достоинством статный моджахед, — нам известно, уважаемый командор Рустам, что вы мусульманин и хороший человек. Мы пришли сюда, чтобы предложить вам и тем, кому вы доверяете, уйти с нами, — излагал он на катаганском диалекте узбекского языка со спорадичным вкраплением слов на дари, пристально глядя Русту в очи. — Мы обеспечим вас кровом и поможем обзавестись афганской семьёй. Подумайте, зачем вам здесь умирать?! Это ведь не ваша земля! Вот вам, к примеру, последний случай, — он кивнул в сторону моджахеда, сидевшего по десную, — двое его молодых родственников тут недалёко были найдены в арыке с прострелянными головами. Ответьте! Что нам остаётся после этого делать?!

— Почему вы уверены, что это дело рук шурави?! — опровергал Руст.

— А чьих же ещё?! — утверждал Халфутдин

— Это могли сделать моджахеды из других партий, — не исключал Руст, — между отрядами разных исламских партий идёт междоусобная война.

— Нет, это сделали шурави! — настаивал Халфутдин.

— Тогда с высокой долей вероятности предположу, что эти люди имели при себе оружие, — допустил Руст.

— А какое это имеет значение?! — спросил Халфутдин. — Они ведь на своей земле и вправе сами решать, как им ходить — с оружием или без.

— Большое! — заметил Руст. — Идёт необъявленная война и гибнут Советские воины! Мы здесь, чтобы помочь Саурской революции освободить афганский народ от гнёта.

— Нас ни от кого не нужно освобождать! Оставьте нас в покое! Наш уклад остаётся неизменен столетиями. Мы не умеем жить по-другому! А главное — не хотим! Самое дорогое, что у нас есть это наш Ислам. Вашему высшему руководству, прежде чем ввести сюда войска, следовало бы изучить историю Афганистана: свергнутый в 1973 году после сорокалетнего правления эмир Захир-шах повторил судьбу другого афганского правителя Амануллы-хана, потерявшего власть в 1929 году и, подобно ему, доживает свой век в изгнании. В обоих случаях виною всему были реформы: стремление построить светское общество, слепое подражание западу, СССР с его коммунистической идеологией, отказ от векового уклада и традиций предков, вплоть до отмены ношения афганскими женщинами чадры. Мы не хотим такого Афганистана!

Руст внимательно слушал речь моджахедов и, не прервав, дал каждому высказаться. В обрушившемся потоке контрдоводов, он понимал бесперспективность холивара и спросил себя: на что эти люди рассчитывали, придя к таким же, как они, убеждённым в своей правоте шурави?! Какие у них были основания считать, что со встречи они уйдут живыми? И если даже в них не разрядят рожок из автомата, точно не пленят? Объяснение этому всё же есть, — резюмировал Руст, — будучи сами воинами, они знали, что идут на разговор к воину. Одно дело — пуля, выпущенная в неприятеля в бою, другое — во время доверительного разговора. Да! — заключил он, — война войной, а добрые дела порождают взаимное доверие. Словесный портрет командорамусульманина Руста с рассказа Шераги вызвал у моджахедов кишлака Мулла-Гулям неподдельный интерес. Великодушие и милосердие, подобно силе и храбрости сызвеку на Востоке имели собинную цену. Руст вежливо поблагодарил собеседников и с невозмутимым спокойствием поведал:

— Мой дом далеко на севере за Амударьёй, — растолковав им далее, — Все шурави — мои братья! Я сам один из них! С ними я пришёл, с ними и уйду, если останусь жив, конечно.

— Это ваше решение, — с пафосом принял его Халфутдин, — единственное, что мы можем гарантировать: у кишлака Мулла-Гулям с вами этого не произойдет.

Руст прозорливо зарань предупредил Сидора и других товарищей об окончании разговора и попросил воздержаться от каких-либо неожиданных действий, дав парламентарам безмятежно уйти. Поблагодарив за встречу, моджахеды разом встали и, пропустив вперёд Халфутдина, с достоинством, неспешно направились к улочке, уводившей вглубь кишлака.

— Не могу поверить своим глазам! — изумился поступку Руста, зашедший под навес и, проважавший моджахедов взглядом, пока они исчезали в узком проходе кишлака, Сидор. — Ты их отпустил?! Попади ты им в руки, не приведи создатель, не отпустили б тебя! — высказал он убеждение.

— Попадись они мне в горах, — объяснял Руст, — без колебаний выполнил бы свою солдатскую работу, как делал это не раз. Но, когда они отправились к нам на разговор, они словно голову засовывали в пасть льву. Ведь рисковали переоценить нас, верно?! Ну как же можно было не отдать должное их храбрости и позволить нас переоценить?!

Сидор, задумавшись, промолчал.

Следующим утром Шераги вышел на поле позднее обыденного. Он был невесел. Угадывалось, что отказ Руста — самого или с кем-либо из товарищей уйти с моджахедами его огорчил. Было вестимо, в том крылся и личный резон Шераги. Как бы оно ни было, вечером того же дня капитан Середа объявил по связи всем экипажам, что в течение двух дней разведроте предстоит десантирование в горах, и приказал быть в готовности в любую минуту сняться с блокировки. Руст понимал, что всё в жизни имеет свой конец, и с Шераги, с которым они успели хорошо подружиться, скорее всего, больше уже не увидится. Напоследок он решил скрасить ему жизнь царским подарком. Пока командир разведроты Середа был на получении задачи у командира полка, Руст махнул на своём БМП-2 до полевой кухни ПАК и выменял добытый в Панджшере трофейный пистолет BERETTA 92 у прапорщика хоззвода Притулы на два мешка — риса, муки и два ящика — масла и сгущенки. Следующим утром последовал приказ сниматься с блокировки у Мулла-Гулям. Руст попросил ребят построиться

и, подзвав Шераги с тремя сыновьями, в торжественной обстановке вручил им всё, что было подготовлено для этого прощального мероприятия. Очи изумлённого Шераги наполнились слезой. Утерев её неловким движением рук, он обнял напоследок Руста и каждого шурави. Затем он погрузил врученные ему гостинцы на хребты привлеченных для транспортировки ишаков и, взяв оставшуюся поклажу в свои и трёх сыновей руки, направился в кишлак. На пути домой, не веря своему счастью, он инно поворачивался назад, махая на прощание рукой. Больше Шераги друзья не видели.

Спустя много лет, - представляли они, — Мы будем с тёплым чувством вспоминать этот эпизод своей службы, задаваясь вопросом: «как теперь живётся этому простому афганскому дехканину. Жив ли? Сыновья, поди, будут совсем уже взрослыми». Советским воинам, побывавшим за речкой, было не безразлично, какими их запомнят сотни тысячафганцев подобных Шераги.